

Майк Гелприн

СВЕЧА ГОРЕЛА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том 1

T8 RUGRAM

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Г31

Гелприн, М.

Г31 Шиты миров. Свеча горела / М. Гелприн. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 388 с. — (Мозаика Миров).

ISBN 978-5-521-90502-7

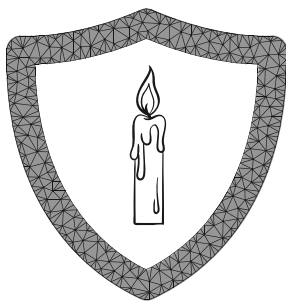
Сборник рассказов Майка Гелприна позволит читателю заглянуть в будущее. Каким оно станет для нас? Безнадёжным или светлым?

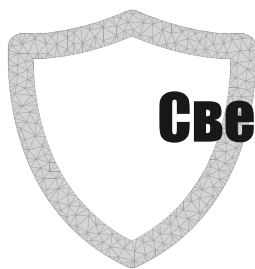
На страницах этой книги нет определённого ответа, но есть самые разные версии того, что нас ждёт.

Майк Гелприн — признанный мастер короткой прозы, и его рассказы точно не оставят вас равнодушными.

BIC FLC
BISAC FIC009040

Вместо предисловия

Свеча горела

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

– Здравствуйте, я по объявлению. Вы даёте уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет – костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьёзные. У Андрея Петровича ёкнуло под сердцем, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, ещё двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

– Д-даю уроки, – запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. – Н-на дому. Вас интересует литература?

– Интересует, – кивнул собеседник. – Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» – едва не вырвалось у Андрея Петровича.

– Оплата почасовая, – заставил себя выговорить он. – По договорённости. Когда бы вы хотели начать?

– Я, собственно... – собеседник замаялся.

– Первое занятие бесплатно, – поспешно добавил Андрей Петрович. – Если вам не понравится, то...

– Давайте завтра, – решительно сказал Максим. – В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

– Устроит, – обрадовался Андрей Петрович. – Записывайте адрес.

– Говорите, я запомню.

* * *

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

– Вы слишком узкий специалист, – сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. – Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники – вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф всё ещё достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чём немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд.

Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать аэромобиль, старый, но надёжный. Антикварный сервис, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мучило каждый раз, когда он вспоминал об этом – затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский – две недели. Бунин – полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг – самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

«Если этот парень, Максим, – беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, – если он... Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду».

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть.

* * *

Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

– Проходите, – засуетился Андрей Петрович. – Присаживайтесь. Вот, собственно... С чего бы вы хотели начать?

Максим помялся, осторожно уселся на край стула.

– С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

– Да-да, естественно, – закивал Андрей Петрович. – Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

– Нигде? – спросил Максим тихо.

– Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия – в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... – Андрей Петрович махнул рукой. – Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий.

А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

– Да, продолжайте, пожалуйста.

– В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал – стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем – люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше – за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утёр рукой вспотевший вдруг лоб.

– Мне нелегко об этом говорить, – сказал он наконец. – Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

– Я сам пришёл к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

– У вас есть дети?

– Да, – Максим замялся. – Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

– Да, – сказал Андрей Петрович твёрдо. – Научу.

Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

– Пастернак, – сказал он торжественно. – Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...

* * *

– Вы придёте завтра, Максим? – стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

– Непременно. Только вот... Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, – Максим обвёл глазами помещение, – могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счёт оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

– Конечно, Максим, – сказал он. – Спасибо. Жду вас завтра.

* * *

– Литература это не только о чём написано, – говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. – Это ещё и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте.

Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя наизусть.

– Пушкин, – говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

«Таврида», «Анчар», «Евгений Онегин».

Лермонтов «Мцыри».

Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Высоцкий...

Максим слушал.

– Не устали? – спрашивал Андрей Петрович.

– Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста.

* * *

День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на неё времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днём постигал её и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн.

Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков.

Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый.

Классика, беллетристика, фантастика, детектив.

Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

* * *

Однажды, в среду, Максим не пришёл. Андрей Петрович всё утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулёзный педантичный Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил.

К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извёлся, и когда стало ясно, что Максим не придёт опять, побрёл к видеофону.

– Номер отключён от обслуживания, – поведал механический голос.

Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю?

Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырёх стенах стало больше невозможно.

– А, Петрович! – приветствовал старик Нефёдов, сосед снизу. – Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чём.

– В каком смысле стыжусь? – оторопел Андрей Петрович.

– Ну, что этого, твоего, – Нефёдов провёл ребром ладони